

УДК 069.01(470+571)

О. С. Сапанжа

Современная российская музеология: тактические итоги и стратегические форсайты

Развитие теоретических исследований в современной российской музеологии является актуальной задачей, от решения которой зависит положение музеологии как оригинальной области научного знания. На основе анализа крупных зарубежных работ по музеологии последних десятилетий сформулированы основные методологические задачи музеологии (стратегические форсайты), определяющие перспективы ее развития в пространстве мирового научного дискурса.

Ольга Сергеевна
Сапанжа

Доктор культурологии,
профессор Российского
государственного
педагогического
университета
им. А. И. Герцена

Положение музеологии в современном научном дискурсе двусмысленно. С одной стороны, ее статус несомненен, и музеология утверждает свои позиции как наука с собственным объектом, предметом и методологией исследования. Доказательством этого служит основанное на концепциях восточноевропейской школы музеологии единодушие в вопросах объекта, предмета и структуры науки, которое демонстрируется в учебных пособиях по музеологии, музееведению, музейному делу. С другой стороны, музеологию по-прежнему называют молодой наукой, а исследования, которые позволили бы понять, где проходят границы музеологии, не столь авторитетны. За пределами разделов учебников обнаруживается пространство неисследованных проблем и нераскрытых формулировок. Монографий по отдельным проблемам музеологии очень мало, что ставит под сомнение существование специальной методологии музеологии, а следовательно, и самой науки.

Подобный дуализм не является проблемой исключительно российской музеологии. Непосредственным поводом к размышлениям о современном состоянии российской музеологии послужил выход в свет перевода диссертации Петера ван Менша «К методологии музеологии», выполненного Виталием Ананьевым [6]. Переводов работ европейских и американских музеологов в России не хватает: до сих пор на-

учным откровением является книга Кеннета Хадсона, которая была переведена в 2001 г. [15]. Написанная в 1987 г., более чем за десять лет до перевода на русский язык, она в глазах российских музеологов не утратила актуальности, несмотря на то, что сам Хадсон не был сторонником чрезмерного теоретизирования, предпочитая исследовать актуальный музейный материал.

Взгляд на музейный предмет Петера ван Менша, предлагаемый сегодня музейному профессиональному сообществу, свеж и позволяет прояснить многие темные пятна науки. Ощущения, что работа написана двадцать пять лет назад, не складывается, и это позволяет сделать неутешительные выводы о состоянии современной российской музеологии. Но справедливости ради стоит отметить, что утверждение об оторванности от мейнстрима будет не совсем верным. Так, своевременно появился перевод книги К. Бишоп «Радикальная музеология, или Так ли уж “современны” музеи современного искусства?» [3]. Кроме того, сегодня доступны англоязычные работы.

Однако своевременный перевод актуального музеологического эссе – скорее исключение, чем правило. Чаще концепции и идеи приходят к нам с опозданием на десятилетия. Например, специальный выпуск журнала «Искусство» за 2012 г., посвященный проблеме места художественных музеев и новым стратегиям их развития, открывался статьей американского критика и куратора Дугласа Кримпа, написанной в 1980 г. и раскрывающей место музея в пространстве постмодернизма в движении от «мечты Мальро» к «шутке Раушенберга» [5, с. 35]. Эта статья, ставшая классической, пришла к массовому российскому читателю спустя тридцать лет. То же касается статьи Андреаса Гюссейна о роли и статусе музея, вернувшего себе в век постмодернизма положение традиционной культурной власти [4, с. 42]. Сказанное не означает, однако, что подобные переводы позволяют лишь познакомиться с зарубежной музеологической мыслью прошедших десятилетий и представляют только историографический интерес. Напротив, при стремительном развитии реального музейного сектора некоторые теоретические положения актуальны и своевременны. Особенно это касается уровня метамузеологических построений: все же в названных работах точкой отсчета, поводом для размышлений являются конкретные музеи и их место в культуре рубежа веков (в системе посмодернизма в работе Д. Крима или позднего капитализма в работе Р. Краус «Культурная логика музея эпохи позднего капитализма», написанной в 1990 г., ссылкой на которую открывается работа Клэр Бишоп [3, с. 6]). Р. Краус опирается на примеры двух музеев: Музея современного искусства в Париже и Массачусетского музея современного искусства [3, с. 6]. К. Бишоп для анализа радикальных моделей музеев выбирает музей Ван Аббе в Эйндховене, Центр искусств королевы Софии в Мадриде и Музей современного искусства в Любляне [3,

с. 8]. Понятно, что речь идет об анализе тенденций, сложившихся при осмыслении роли и функций музеев современного искусства и / или художественных музеев. Подобный индуктивный подход, позволяющий на основе анализа конкретных художественных институций выстроить логику развития музейной системы в целом, убедителен, но лишь при анализе институций подобного профиля. Работ, предлагающих уровень системного обобщения, по-прежнему недостаточно, хотя именно разработка научных теорий является признаком зрелости науки [11]. К числу именно таких работ принадлежит диссертация Петера ван Менша.

Показательно, что исходные проблемы, побудившие Петера ван Менша взяться за исследование методологии музеологии на рубеже 1980–1990-х гг., мало чем отличаются от тех проблем, которые являются нерешенными для современной российской музеологии. Во введении к исследованию автор указывает на «концептуальный и терминологический хаос», существующий даже не в музеологии, а шире – в «музейной профессии» [6, с. 15]. Среди признаков этого хаоса он называет следующие: отсутствие учебников по теории музеологии, поверхностный характер изложения ключевых проблем, зафиксированных лишь в общем виде в учебниках по проблеме музеев, музейного дела, музеологии и, наконец, цикличность в обсуждении ключевых проблем науки, при которой каждые десять-двадцать лет начинается очередной виток обсуждения тех же проблем. Даже краткого знакомства с перечнем проблем 1990 г. достаточно, чтобы констатировать: этот же перечень актуален для российской музеологии 2015 г. Налицо очередной «цикл обсуждения тех же вопросов» [6, с. 15].

Подобную цикличность можно обнаружить, например, и в исследовании проблем образовательных функций музея. Петер ван Менш отмечает, что в 1970-е гг. Юрген Ромедер, рассматривая музей как образовательный институт, предлагал в качестве точки отсчета и системы координат избрать науку о коммуникации [6, с. 16]. Этот «типичный для развития музеологии этап» (по мнению ван Менша) в российской музеологии пришелся на конец 1990-х – 2000-е гг., когда появилась серия работ по теории и практике музейной коммуникации. Произошел своеобразный «коммуникационный бум российского музееведения». Его отличием стал интерес к культурологии и попытки построить модель музейной коммуникации, выходящей за пределы экспозиционной или образовательной деятельности [13]. Стоит отметить, что многие российские музеологи именно в этот момент обратились к работам европейских и американских авторов, обнаруживая в них модели для разработки проблем: тогда актуализировались идеи 1960-х гг., высказанные Д. Камероном, дополнялись модели музейной коммуникации, предложенные Э. Хупер-Гринхилл [14, с. 245–252].

Итак, развитие музеологии по «методологической спирали» очевидно. В который раз в стремлении «ухватить» нерв науки ученые обращаются к индуктивной логике исследования конкретных музеев, стремясь увидеть в них скрытый код общей логики музеальности / музейности [8, с. 13] в исторической и общественной взаимосвязи. В современной ситуации ощущается нехватка работ, предлагающих дедуктивные модели музейного пространства, пространства освоения музейности в целом, работ, предлагающих развитие этого термина в музеологическом дискурсе. Закрепившись раз и навсегда, термин «забуксовал», остановился на уровне методологической констатации, не получил дальнейшего серьезного осмысления.

Основным источником знаний о музеологии для советских специалистов стал сборник обзорной информации «Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран», подготовленный НИО Информкультура и выпущенный в 1984 г. на основе работ, представленных в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и охватывающих период с 1960-х гг. до начала 1983 г. [8]. Положения, сформулированные в этом сборнике, до сих пор являются основой, краеугольным камнем российской музеологии.

Знакомство со сборником «Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран» [8] убеждает, что круг проблем, обозначенных Петером ван Меншем, как никогда актуален: представленные взгляды на предмет, метод, структуру, язык науки и ее отношения с другими научными дисциплинами кажутся свежими и требующими отдельных научных исследований. Тем не менее, высокая дедукция в работах по музеологии на протяжении двадцати лет «сбивается» или в историографические комментарии, или в практическое описание реального опыта, или в «открытие» концепций, сформулированных за рубежом, но недостаточно распространенных в научной среде. Это приводит, по мнению В. Ананьева, к тому, что российские музеологи зачастую изобретают «велосипед, на котором зарубежные коллеги давно уже ездят» [2, с. 3]. Именно стремление продемонстрировать устройство этого «велосипеда» побудило В. Ананьева к написанию пособия по истории зарубежной музеологии [1], позволяющего «доказать» ее существование [9, с. 39–43], и переводу оригинальных работ, в том числе диссертации Петера ван Менша [6].

Но было бы неверно говорить о бесперспективности теоретических построений в области метамузеологии. Напротив, современная ситуация видится благоприятной для того, чтобы преобразовать тактические итоги в стратегический форсайт. Такой прорыв, как представляется, будет связан с фиксацией границ науки и созданием условий для тщательной разработки каждого ее компонента, которая и обеспечит выход за пределы очередного «методологического витка».

Еще раз отметим, что ставшая сегодня перед российским музееведческим сообществом проблема осмыслялась как важнейшая в среде европейских ученых почти тридцать лет назад. В предисловии к русскому переводу книги Петера ван Менша Франсуа Мерес вспоминает, что ван Менш в 1980-е гг. был одним из немногих, кто думал о музееведении как о научной дисциплине. Самого Мереса в тот период «обескураживали концептуальные рамки этой дисциплины, которая, хотя и называлась “прикладной наукой”, на деле оказывалась скорее собранием отдельных комментариев по истории музеев, связанных с ними исследований и их отношениями с публикой» [7, с. 6]. Предложенная ван Меншем музееведческая методология, в центре которой находится предмет, полемизирует с разработанной З. Странским концепцией музейности [8], что и порождает научный дискурс о границах науки и позволяет уйти от понимания музееведения как музейного дела. Музейное дело – это широкая сфера, включающая как практическую деятельность по сохранению и презентации памятников истории и культуры в музеях и учреждениях музейного типа, так и круг научных исследований, помогающих осуществлять эту деятельность. При этом музейное дело – это не музееведение и не исследования по истории музейных коллекций и особенностям их атрибуции [12].

Петер ван Менш описывает палитру концепций и взглядов на структуру музееведения: от европейских до японских. При этом проблема остается открытой и допускает новый взгляд на возможность членения музееведческого дискурса. Может ли современная музееведение предложить оригинальные идеи? Предположим, ответ кроется в наличии серьезных работ по методологии науки, позволяющих составить представление об иерархии и внутренней структуре научного знания. Это уже не тактическая, а стратегическая задача – важный музееведческий форсайт. Ван Менш предлагает обратиться к методологии, но если взгляд на методологию, предложенный в 1991 г., не получит обновления спустя двадцать лет, о развитии науки говорить невозможно.

Поиск оригинальной методологии предполагает, что границы науки четко определены. С одной стороны, идея систематизации и приведения в иерархический порядок многообразных исследований по околмузейной проблематике может показаться надуманной. С другой, именно эта операция является необходимой для определения границ науки и областей научных, научно-практических и технологических исследований во избежание путаницы. Отправной точкой в рассуждениях о структуре исследований в области музейного дела и музеев вообще может стать концепция решения научных проблем различной степени сложности и широты охвата изучаемого материала.

Первое направление – это поиск концептуальных основ (прежде всего, теоретических, на которые впоследствии опираются практические

исследования как на методологическую базу науки). Второе охватывает широкий спектр исторических, социологических, педагогических, искусствоведческих исследований по «музейной тематике». Третье направление составляют технологии музейной работы, то есть фактически – это уровень процедур, определяющих приемы музейной работы [10, с. 197–205].

Приведенная структура позволяет сформулировать ключевые дефиниции, определяющие пограничные территории и пространство научного дискурса. Исходя из рассмотренной логики иерархии научного знания, можно выделить три уровня исследований в проблемном поле познания феномена музея, музейности и особенностей музейного дела: концептуальный уровень, синтетический уровень и технологический уровень.

Каждому уровню соответствует раздел научного знания. Музейное дело представляет собой технологический уровень как совокупность технологий (музейно-педагогических, технологий фондовой работы и т. д.), обеспечивающих функционирование музейных институтов и способствующих решению конкретных задач комплектования, учета, хранения фондов, экспонирования, образования и рекреации. Музееведение можно рассматривать как культуроведческую науку, позволяющую суммировать многообразные знания по разным аспектам истории, теории и практики музейного дела. Это исследования синтетического характера, ориентированные на междисциплинарный подход. Соответственно, поиск оригинальной методологии в этом случае вряд ли будет продуктивным – междисциплинарные исследования допускают обращение к спектру гуманитарных, естественных и точных наук. Пограничное положение между музееведением и музейным делом занимает музеография. Термин «музеография» имеет разночтения в европейской и российской научных традициях. В зарубежной традиции наряду с музеологией выделяют музеографию, под которой понимают музейную практику. В российской традиции под музеографией понимают отрасль музееведения, задачи которой состоят в описании музеев, их экспозиций и коллекций. Таким образом, термин «музеография», появившийся в XVIII в. и обозначавший буквально «описание музеев», в отечественной традиции получил значение совокупности работ, посвященных музею.

Музеология же представляет собой концептуальный уровень исследований – теоретических исследований, итогом которых должно стать создание и развитие научных теорий музея и музейности, поиск и «расшифровка» фундаментальных положений науки [10, с. 197–205].

Изложенное авторское понимание структуры «музейного знания» (которое на данный момент является концепцией, требующей обсуждений и уточнений) позволяет системно взглянуть на проблему поиска методологии, достигнуть консенсуса в вопросе о возможности использования спектра методов смежных наук. В задачи музейного дела входит не конструирование оригинальной методологии, а решение проблем технологии

выявления, хранения, презентации и актуализации историко-культурного наследия. Поиск же оригинальной методологии и ее обоснование становится основной задачей музеологии, ее стратегическим форсайтом.

Футурологические прогнозы в музеологии не слишком популярны: кажется, что у авторов нет уверенности, что завтра позиции музеологии заметно укрепятся, а значит, любые рассуждения о будущем науки могут оказаться несостоятельными. Завершая предисловие к переводу книги, Франсуа Мерес отмечает: «Я никогда не стану примерять на себя роль футуролога и предсказывать возможное будущее музеологии» [7, с. 12]. И, тем не менее, предлагает три возможных сценария: исчезновение музеологии, продолжение ее существования в ограниченных масштабах и «распространение собственной логики на область музейных исследований» [7, с. 12], что, безусловно, связано с решением теоретической проблемы определения границ науки, областей музейного и музеологического научного поиска, пристальным исследованием категориального аппарата и расширения границ науки от музея к музейности, определением областей научного поиска, имеющих междисциплинарный характер и обращающихся к методологии и результатам музеологии при исследовании частных проблем.

Комплекс названных проблем составляет «стратегический форсайт» и формирует актуальную повестку музеологических исследований в пространстве современного научного дискурса.

1. *Ананьев, В. Г.* История зарубежной музеологии: учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев. – СПб.: СПбГУ, 2014. – 136 с.
2. *Ананьев, В. Г.* Музеология в трудах Петера ван Менша / В. Г. Ананьев // Вопросы музеологии. – № 1 (9). – 2014. – С. 3–5.
3. *Бишоп, К.* Радикальная музеология, или Так ли уж «современны» музеи современного искусства? / К. Бишоп. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 96 с.
4. *Гюссейн, А.* Бегство от амнезии. Музей как массмедиа / А. Гюссейн // Искусство. Музей: настоящее прошлое. – № 2 (581). – 2012. – С. 37–51.
5. *Кримп, Д.* На руинах музея / Д. Кримп // Искусство. Музей: настоящее прошлое. – № 2 (581). – 2012. – С. 18–35.
6. *Мени, П. ван.* К методологии музеологии / П. ван Менш; пер. с англ. В. Г. Ананьева // Вопросы музеологии. – № 1 (9). – 2014. – С. 15–291.
7. *Мерес, Ф.* О будущем музеологии: несколько замечаний к русскому изданию диссертации Петера ван Менша / Ф. Мерес // Вопросы музеологии. – № 1 (9). – 2014. – С. 6–14.
8. *Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран // Музейное дело и охрана памятников. Обзорная информация. Вып. 1.* – М.: НПО Информкультура, 1984. – 40 с.
9. *Сапанжа, О. С.* Доказательства музеологии: об учебном пособии Виталия Ананьева «История зарубежной музеологии» / О. С. Сапанжа // Научное мнение. – № 1 (1). – 2015. – С. 39–43.
10. *Сапанжа, О. С.* Историография музеологии, музееведения, музеографии: к вопросу разделения понятий / О. С. Сапанжа // Вопросы музеологии. – № 2 (8). – 2014. – С. 197–205.
11. *Сапанжа, О. С.* Культурологическая теория музейности: опыт построения / О. С. Сапанжа // Мир культуры и культурология : альманах Науч.-образовательного

культурологич. о-ва России ; Русская христианская гуманитар. акад. ; Науч.-образовательное культурологическое о-во России. – СПб., 2012. – С. 238–247.

12. Сапанжа, О. С. Музеология: историография и методология / О. С. Сапанжа. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – 111 с.

13. Сапанжа, О. С. Основы музейной коммуникации : учеб. пособие / О. С. Сапанжа. – СПб., 2007. – 116 с.

14. Сапанжа, О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации / О. С. Сапанжа // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Науч. журнал. – № 103. – 2009. – С. 245–252.

15. Хадсон, К. Влиятельные музеи / К. Хадсон ; пер. с англ. Л. Мотылева. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 196 с.

O. Sapanzha

Modern Russian museology: tactical results and strategic foresights

The development of theoretical researches in contemporary Russian museology is an urgent problem, the solution of which depends on the position of museology as an original field of the scientific knowledge. Main methodological tasks of museology (strategic foresights) determining the perspectives of its development in the space of global scientific discourse on the basis of the analysis of major foreign works on museology problems of the last past decades are formulated.

Дата поступления артыкула ў рэдакцыю: 24.08.2015.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ